

АКТЕР, КОТОРЫЙ КАЖДЫЙ РАЗ ПРОБУЕТ НАЧАТЬ ВСЕ СНАЧАЛА

ПРИ имени Николая Еременко перед глазами некоторых любителей кино предстанет образ ловкого и бесстрашного стармеха из приключенческой ленты «Пираты XX века». Другие же вспомнят интеллектуальные, глубокие роли Н. Еременко, например, Жюльена Сореля в экранизации романа Стендала «Красное и черное» или выдающегося пианиста Александра Гольденвейзера в фильме «Лев Толстой»...

Кстати, последние две картины поставил Сергей Герасимов — режиссер, ставший для Еременко больше чем педагогом (Николай был его студентом во ВГИКе) — Учителем. Герасимов (открывший в свое время для кинематографа и отца Николая — Еременко-старшего — известного театрального актера из Минска) сумел увидеть в своем студенте не просто красивого молодого человека, который мог бы беззаботно штамповать роли героев-любовников, он увидел в нем интересную личность.

На втором курсе Еременко снялся в картине Герасимова «У озера». И хотя роль была невелика, а рядом действовали такие мощные актерские индивидуальности, как Шукшин и Жаков, работа юного Еременко запомнилась. Сыграл он тут во многом самого себя — сумасбродного влюбленного парня с озорными глазами. И в фильме Бориса Яшина «Ливень» можно было узнать Еременко из вгиковских коридоров — немного хулиганистого, певшего в перерывах между лекциями озорные частушки...

Ролей было много, играл их Еременко легко и весело, его узнавали на улицах, девочки писали ему восторженные письма, однако первая настоящая творческая вершина была покорена лишь через семь лет после дебюта. Речь идет о Жюльене Сореле в телевизионной версии романа Стендала.

Приступая к этой работе, Еременко не мог не думать о том, что зрители, конечно, помнят Сореля, сыгранного непревзойденным Жераром Филипом в фильме Клода Отан-Лара. Впрочем, 27-летний московский актер и не пытался никого превзойти. Он сыграл другого Жюльена — в чем-то, быть может, более земного, более современного, и утвердил за собой право собственного прочтения классики. «Мне было интересно идти за буквой романа, — скажет потом Николай. — Вспомните, у Стендала Жюльен выписан весь, вплоть до мельчайших оттенков чувств. Он сам себя сконструировал — замкнутого в кольчугу недоступности эгоцентрика, для которого нет ничего страш-

нее, чем позволить кому бы то ни было заглянуть внутрь. И только перед смертью, когда рушится созданная им же конструкция, Сорель наконец обнажает собственное «я», так глубоко запрытанное, что он иногда, наверное, и сам забывал о его существовании».

Сразу после успеха как навязчивая идея возникла угроза самоповтора. Категорически отказываясь от ролей, хоть в чем-то напоминавших Жюльена, Еременко решил попробовать себя в новом качестве: сыграл угрюмого рецидивиста по кличке Цыган в детективе «Трактир на Пятницкой», романтического князя Болховского, умеющего элегантно драться на дуэли, в фильме «Эскадрон гусар летучих»... И немало других подобных ролей. В этой веренице выделяется, безусловно, стармех из «Пиратов XX века», где Еременко продемонстрировал красоту и физическую мощь хорошо натренированного тела: он совершал рискованные трюки в море и на суше (и всегда без дублеров), доказав всем (и себе в первую очередь), что «и такое может». И хотя после этого фильма читатели журнала «Советский экран» назвали Еременко лучшим актером года, он твердо решил больше не сниматься, по его выражению, в «мускульных фильмах».

И вновь испытание. На сей раз русской историей. В дилогии Сергея Герасимова «Юность Петра» и «В начале славных дел» Еременко играет хитрого и ловкого царедворца Александра Меншикова — ближайшего друга и сподвижника Петра I. И вновь — своеобразное творческое соревнование: в фильме «Петр I», поставленном Владимиром Петровым в конце 30-х годов, Меншикова играл прекрасный актер Михаил Жаров. Но и тут Еременко удается доказать право собственного прочтения. В отличие от Жарова, игравшего сложившегося человека, постигшего многомудрые законы двора, Еременко представляет Меншикова, который лишь начинает постигать эти законы. Удивительно интересно следить, как шаг за шагом Меншиков — Еременко становится все более мудрым и опасным. Как этот исполнитель Петровой воли вырастал в значительную и грозную фигуру, поигрывая при этом хитроватыми мужицкими глазами... После роли такого масштаба и психологической наполненности Еременко, утверждающий, что «надо быть разным», с откровенным удовольствием лицедействует в условно-приключенческой ленте «Медный ангел», изображая отъявленного зло-

дея Вальдеса, который, однако, и в огне не горит и в воде не тонет.

Сейчас принято подчеркивать, что современный актер непременно сам-де режиссирует свою роль, спорит с постановщиком, отсюда, наверное, стремление и уход многих талантливых актеров в режиссуру. Николаю Еременко такое стремление не свойственно. Он прекрасный исполнитель, способный раствориться в режиссерском замысле, донести до зрителя именно режиссерскую концепцию героя. Это отнюдь не значит, что Еременко лишен самостоятельности в работе над ролью, нет, «нести ответственность за свою работу и за свою творческую судьбу, быть в полной мере автором своих ролей» — его неукоснительно выполняемый принцип. И в этом смысле Еременко — всегда полноправный соавтор режиссера. Но — как актер со своим видением мира, образа, со своими актерскими способами воплощения этого образа на экране.

Новая работа Еременко способна, по-моему, удивить и озадачить своей абсолютной непохожестью на все то, что он прежде делал на экране. Еременко играет Гленарвана в телевизионной знаменитого романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Впервые в жизни играет идеального положительного героя — храброго, сильного, доброго, преданного и проч.

— Я достаточно хорошо себя знаю, — говорит актер, — и мне было понятно сразу, что столь добродетельным я не был даже при рождении. Более того, я затрудняюсь найти пример среди окружающих. Сыграть воплощенную добродетель в наш рациональный, скептический век, да так, чтобы не было ни смешно, ни скучно, — это, скажу вам, задача не из легких. Я очень благодарен режиссеру Станиславу Говорухину: он вовремя увидел в моем актерском багаже то, что я сам даже затруднялся заметить. Вовремя потому, что наступила пора, когда можно было начать «почивать на лаврах», а актеру обязательно нужны периодические встряски, чтобы сбивать наработанное, пробовать все сначала. Я плохо понимаю, что означает для актера «найти себя», но твердо знаю, что это процесс бесконечный. Бесконечно формирование актера, и лучше, по-моему, умереть, еще формируясь, чем твердо зная, что сформировался.